

«Женский мир» в культурно-исторических традициях народов Северного Кавказа

Взросшая роль женщины в современном мире делает проблему исследования традиционного женского статуса на Северном Кавказе особенно актуальной. Под влиянием внешних факторов в жизни северокавказского социума происходит ломка традиционного общественного уклада, отмечаются сложные социальные и гендерные изменения. У современных северокавказских женщин, кроме ранее существовавших обязанностей хранительницы очага, продолжательницы рода, добавились новые, несвойственные для кавказской женщины. Это – глава семьи, распорядитель бюджета, добытчица, кормилица, руководитель, а среди личных качеств – лидерство, мужественность, бесстрашие, ответственность.

Для объективной характеристики традиционной роли кавказской женщины в обществе необходимо проанализировать ее жизненный путь с момента рождения. Большое значение у народов Северного Кавказа придавалось тому, чтобы в семье были мальчики. Хорошими пожеланиями у ингушей считались: «Да будет у тебя семеро сыновей», «Пусть много сыновей у тебя вырастет». У некоторых народов Северного Кавказа отсутствие мальчика приравнивалось к бездетности. «Без трех сыновей нет семьи» – гласит адыгейская пословица. Желание иметь

больше мальчиков объяснялось условиями крестьянского хозяйства и остатками культа семейно-родовых предков. Кумыки говорили: «При рождении дочери углы комнаты суживаются, при рождении сына потолочные балки поднимаются на одну пядь» [2: 57].

Пренебрежительное отношение к рождению девочек нашло свое отражение и в традициях имянаречения. В ингушских семьях имена «Цаэш» – «не нужна», «Сацита» – «остановись» давались, когда в семье рождались одни девочки. В дагестанских семьях третью дочь называли «Кистаман» – «хватит девочек», или «Улангерек» – «давай мальчика». В XIX в. у осетин и аварцев был известен обычай умерщвлять новорожденных девочек в случае рождения в семье подряд нескольких дочерей. Считалось, что это вознаграждается последующим рождением сына [13]. При рождении мальчика собиралась вся родня, проводилось торжественное празднество с угощением, народными играми, танцами и состязаниями. Рождение первого ребенка и, особенно мальчика, утверждало женщину в статусе полноценного и полноправного члена общества.

В воспитании детей имелось два возрастных рубежа, соответствовавших приблизительно 6-8 и 10-12 годам [9: 73]. Исследователи отмечали более раннее и активное вовлечение девочки в домашнее хозяйство. «Уже к девочке 6-8 лет начинают предъявлять более строгие требования, нежели к однолеткам-мальчикам» – писал М.А. Мисиков [8: 69]. Маленьких детей воспитывали в основном женщины, мальчики-подростки переходили на попечение мужчин. Уже с детства девочку воспитывали в духе уважения и почтительности к мужчинам, даже к мальчикам-сверстникам.

С 10-12 лет более строгим становилось разделение полов. Из общего помещения дома, где дети спали вместе с родителями, мальчиков переводили в гостевое помещение – кунацкую, а девочек – в отдельную девичью комнату. Девушкам с этого времени не разрешалось покидать дом с наступлением темноты, уходить далеко от дома, оставаться наедине с посторонними подростками, юношами или мужчинами. Изменения касались внешнего облика и одежды девушки. У адыгов, осетин, карачаевцев и балкарцев девушки-подростки начинали носить корсет. Он в прямом и переносном смысле сковывал развитие в девушке физиологической женственности.

К 12-14 годам приурочивалось достижение девушкой совершеннолетия. Это событие подразумевало физическое созревание девушки для брака и материнства, обретение навыков ведения хозяйства, трудолюбие и домовитость. Для мальчиков вступление в совершеннолетие

было связано с испытаниями физической силы и выносливости, сохранявшими черты классических инициаций. После их успешного прохождения мальчики попадали в мир мужчин, противостоящий миру семьи и дома.

Следует отметить, что пора девичества с ее известной свободой резко контрастировала с положением замужней женщины, обремененной семейными заботами. Девичья пора в судьбе женщины характеризуется поиском себя, заметным внутренним динамизмом, состоянием раскрепощенности. Она обладала известной самостоятельностью в отношениях со сверстницами и относительно свободном общении со сверстниками, происходившим на групповом уровне. «Внедомность» поры девичества выражалась в факте существования особых девичьи союзов, параллельных юношеским союзам. Например, в ауле Кубачи, женские сообщества представляли собой достаточно заметное явление. Преимуществом совершеннолетних незамужних девушек было участие в танцах, где находила воплощение свобода и «необузданность» девичества. Участие в свадьбах подружек становилось для девушки демонстрацией физической зрелости. Характерные роли и поведение в них девушек и юношей демонстрировали их принадлежность к категории лиц брачного возраста. Помимо танцев и свадеб, регулярные встречи молодежи происходили на коллективных работах.

Следующим этапом изменения «женского мира» было замужество. После обручения девушка утрачивала ранее присущую ей свободу и переходила от динамического состояния к инертности. В ходе свадебных церемоний проходил семиотический обряд «смерти» девушки-невесты и ее «воскрешения» в новом статусе невесты-жены [6: 105]. Снятие покрывала с лица невесты в доме родителей жениха означало возврат ее в круг живых из «небытия». С этого времени женщина переходила от «внедомности» девичества к «пространству дома», «домовитости» замужних женщин.

Процесс вхождения молодой в семейную жизнь включал два этапа. Первый этап ограничивался рамками дома, где проходил символический акт приобщения невесты к главной домашней святыне. Предельно выразительной была связь женщины с очагом. У вайнахов дух, покровитель домашнего очага персонифицировался с женским началом. Возведение очага и забота о нем были обязанностью женщины, что отразилось в ее наименовании – «хозяйка огня». Женщины клялись очагом и надочажной цепью, произносили моления у очага. Магические действия, связанные с очагом и цепью, являлись важным этапом родильного и свадебного обряда. На втором этапе вхождения молодой в семей-

ную жизнь, важное значение имело освоение молодой пространства вне дома. Интересен обряд первого выхода молодой за водой к источнику или реке. Он символизировал «благоволение» владычицы вод и приобщение молодой невесты к статусу женщины.

Следует отметить, что «женский мир» обладал особой сакральностью и тайными знаниями, неподконтрольными мужчинам и вызывал в последних опасения. Женщины приносили в «этот мир» новые жизни, провожали в «иной мир» умерших предков, общались с душами умерших, обеспечивая доброжелательность и реальную помощь потусторонних сил. Право и обязанность вступать в контакт с миром мертвых обычно приурочивалось к календарным и религиозным праздникам, отмечавшим критические моменты в жизни природы и общества. В отличие от мужчины, женщина была деятельна в обеих «мирах». Женщина являлась носителем особой субкультуры, основанной на магических практиках. Реализуя себя в материнстве, рожая и воспитывая детей, женщина в глазах мужского сообщества избавлялась от потусторонней энергетики и, в качестве «полноправной» и уважаемой, включалась в общественную жизнь [5: 83].

В домашнем пространстве фигура старшей женщины занимала центральное место, располагаясь рядом со старшим мужчиной. Она выступала в роли домашнего демиурга. У чеченцев женщину называли «матерью дома» или «матерью очага». Символика ее фигуры близка символике опорного «корневого» столба дома, который являлся символом Великой богини-матери, охраняющей семью. Согласно этикетным кодексам народов Северного Кавказа, самой тяжелой обидой являлось оскорбление женщины, не допускалась также ссора мужчин в присутствии женщин. При появлении пожилой женщины мужчины вставали. Конный в знак уважения при встрече с женщиной спешивался. Величайшим позором считалось не почитание матери и ее родственников. По оценкам народной педагогики, дети были в неоплатном долгу перед своими матерями: «Если даже дитя для матери яичницу на ладони жарит, и то за ее заботы не заплатит», «Нет выше долга, чем долг перед матерью», «Если даже ты переступил порог, раз мать позвала – вернись» [11: 88]. Распространенным средством прекращения кровной вражды служило прикосновение мужчиной рукой или губами к груди женщины потерпевшего рода. Сила обнаженных женских волос использовалась в регуляции конфликтных ситуаций: «Если женщина с распущенными волосами без покрывала бросается в гущу сражающихся, кровопролитие прекращается» [3: 91].

Все вышеотмеченное свидетельствует о том, что в традиционном

северокавказском социуме положение женщины носило двойственный характер. С одной стороны, можно говорить о существующем на Кавказе «культе женщины», а с другой, – о необычайно приниженном ее положении. При определении общественного положения женщины-горянки следовало учитывать социальный статус семьи, хозяйственные занятия местного населения, социально-политический и религиозный фактор.

Первой попыткой создания новой гендерной идентичности в условиях полиэтничного северокавказского региона была большевистская политика, проводимая в рамках новых социалистических ценностей. На 1-м Краевом Съезде горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек Северного Кавказа, который проходил в июле 1925 г. в Пятигорске, говорилось о желании горянок «раскрепоститься», «сбросить с себя вековой гнет невежества», стать равноправными с мужчинами членами советского общества. «Женщины горянки были угнетены, забиты, их продавали, но теперь открылись наши глаза» – заявляла по этому поводу карачаевка [10: 16]. Однако политика большевиков на Северном Кавказе столкнулась с устойчивостью у горских народов традиционного менталитета, межэтническими и конфессиональными противоречиями [4]. Следует отметить, что в 20-е годы советскому государству в данном регионе пришлось решать и другие сложные проблемы [1: 120, 7: 62].

К началу XXI в. в гендерном вопросе приоритет в правах и ответственности у северокавказских женщин чаще всего отдается мужчине. Но наблюдающаяся общественная, политическая и управленческая активность женщин приводит к изменению ранее непоколебимого статуса «кормильца семьи» [12: 24]. Продвижение идей гендерного равноправия возможно лишь в условиях освобождения этнического сознания от патриархальных стереотипов о предназначении полов, нужно адаптировать традиции к вызовам современности.

Библиографический список

1. Акопян В.З. Северный Кавказ. Государственное строительство, экономика и культура, 1920-1940 гг. РОСЖЕЛДОР. Ростов н/Д, 2010. 170 с.
2. Алимова Б.М. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – нач. XX вв.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX-нач. XX в.). Махачкала, 1981. 148 с.
3. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. 240 с.
4. Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н., Федоренко А.И. Попытки изменения статуса женщины в проектах и практике большевиков. Опыт Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=10492> (дата обращения: 09.01.2019).
5. Гетманова Е.С. Участие женщин Ставропольского края в производственной

деятельности в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные социально-экономические и общественные (печатная версия Всероссийского научного журнала «Гуманитарные социально-экономические и общественные науки» www.onli.ne-scienc.ru). 2015. № 8. С. 80-85.

6. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. 416 с.
7. Маслова О.Б. К вопросу о деятельности комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в условиях голода и возросшей беспризорности в 1921-1922 гг. (на примере Ставрополя и Терека) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12-2. С. 59-64.
8. Мисиков М.А. Материалы по антропологии осетин. Одесса, 1916. 237 с.
9. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (Вторая половина XIX – XX вв.). М., 1983. 265 с.
10. Бюллетень 1-го краевого съезда горянок, объединенного с Терской окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. 141 с.
11. Хасбулатова З.И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
12. Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т 1. Народы Юга России. Ростов н\Д, 2005. 244 с.
13. Гранкин Ю.Ю. Исторические судьбы Северного Кавказа. М., 2005. 548 с.